

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ОДНОГО СЕЛА

(Фельетон)

Как-то мне довелось коротать свои дни в одном из кавказских селений. Это было большое и довольно зажиточное село. Приезжаем сразу бросалось в глаза различие между его двумя частями: одна была расположена на горе, и там, между близко построенными, почти прилепившимися друг к другу, домами и на прилегающих улицах было много пыли, песку и грязи. Другая часть, если приходилось спускаться туда, выделялась чистотой и просторными улицами, добротными построенными домами. Одна часть села была известна под названием Намелсем, а другая – Инмире.

Так они назывались ещё с давних времён.

Рассказывают, что Намелсем и Инмире – это имена известных людей; в своё время каждый из них очень много сделал для благоустройства своей половины села, тем самым увековечив свое имя. Подобно двум половинам села, жители каждой также отличались своим укладом и образом жизни. Те, что жили в Намелсем, получили земли и состояния ещё от своих отцов и дедов и потому проводили свои дни в постоянном блаженстве и удовольствиях.

Если бы кто внимательно присмотрелся к ним, то ему, наверное, показалось бы, что такой образ жизни им также достался по наследству.

Население Инмире, напротив, было трудолюбивым. Здешние крестьяне своевременно сеяли и собирали урожай, часто ездили в город, чтобы продать плоды своего труда и, познав там много полезного, преуспевали.

Жители Намелсем также бывали в городе, но по возвращении оттуда рассказывали в основном о том, что видели и слышали в городских чайхане и кафе.

Это было время, когда даже в городах не хватало школ. Но население Инмире мечтало о школе в селе. И первые, кто противились этому, были жители стороны Намелсем. Скажем, старшине нужно было для обсуждения вопроса с каждой стороны пригласить посредников. Представители Инмире не заставляли себя долго ждать, тогда как от Намелсем никто не приходил. И поэтому вопрос о школе снова откладывался. Одним словом, люди Инмире всегда проявляли активное участие в общественных делах и совместными уси-

лиями добивались многого. Выбирая судью, старшину или человека для исполнения каких-либо обязанностей, они всегда старались оказать предпочтение достойным, то есть выбрать таких, кто не обманывает народ. Жители Намелсем не вмешивались в общественные дела. Когда же нужно было найти посредника, называли Дядю. Настоящего имени Дяди никто не произносил, потому что оно было очень длинным. Собственно, этого нельзя было делать и по той причине, что среди жителей Намелсема считалось неприличным называть по имени достопочтенных людей. Уважаемых людей здесь называли «кербалаи», «машади», «гаджи», «хозеин», но самого влиятельного из них называли Дядей. В самом деле, на этой стороне села не было более влиятельного человека, чем Дядя. Он был настолько известен, что даже в других сёлах и городах его знали под этим именем. Одним словом, все его называли Дядей.

Дяде было 70–80 лет; нужно добавить и то, что здесь никто не знал возраста Дяди. Каждый уже сызмальства запоминал его ястребиный облик. Это был высокий мужчина, с приятным лицом, с чёрной бородой и упитанной шеей. Он был невероятно

Нариман Нариманов. 1913 год

богат. Не только среди жителей Намелсема, но и во всём селе, может быть, даже уезде нельзя было найти более богатого и обеспеченного человека.

Жители стороны Намелсем очень любили и почитали Дядю, и, надо сказать, не без причины. Здешние обедневшие беки постоянно пользовались его кредитом. Зачастую, когда они не в состоянии были своевременно вернуть долги, их земли переходили к Дяде. Он давал в рост деньги и другим людям. Дядя и в самом деле был очень хорошим человеком. Однако, если ему вовремя не возвращали долги, не забывал и показать свою власть. Подобно отцу, воспитывающему сына, Дядя наказывал тех, кто не помнил о своих заверениях...

По этой, или другой какой причине, народ очень любил Дядю. И как не любить его, если он, без ведома жителей Намелсем, в нужное время сам говорил в их пользу, улаживал их дела, не обременяя их хлопотами. Чего же лучшего было ещё желать населению Намелсем?!...

Когда в село приезжал пристав или другой какой начальник, то он обычно останавливался в доме Дяди. Этот факт ещё более поднимал авторитет Дяди среди односельчан. Хорошо зная психологию своих людей, Дядя понимал, что общение с подобными лицами, близость к ним поднимает его достоинство в глазах односельчан. Обстоятельства складывались таким образом, что даже население Инмире начало остерегаться Дяди, хотя внешне оно старалось подчеркнуть свою любовь и уважение к нему. Но про себя каждый из этих людей посмеивался над ним и был несказанно рад тому, что влияние Дяди среди населения Намелсем день ото дня увеличивается.

Были причины радоваться этому. Люди из Инмире были достаточно сообразительными и полагали, что интересы народа хорошо может защитить лишь человек образованный, интересующийся тем, что творится в мире. Дядя же не выезжал за пределы деревни и был довольно ограниченным. Воистину жители Инмире были людьми проницательными. Чтобы увеличить влияние Дяди на жителей Намелсем, они нарочно говорили тем: «Счастливые вы люди: у вас есть такой человек, как Дядя». А люди из Намелсем, услышав это, думали: «Видно, Дядя и в самом деле очень умный и рассудительный человек, если даже другие признают это».

Что же ещё добавить к этому? Думая так, они ещё больше тянулись к Дяде и полностью дове-

Памятник Н.Нариманову в г.Гусар

ряли ему свои дела и права. И если даже возникали какие-нибудь значительные вопросы, и тогда жители Намелсем не собирались для обсуждения их, да в этом и не было особой нужды, потому что если бы даже сотня голов стала одной головой, то и тогда бы она не смогла сравниться с головой Дяди.

Всё должно было происходить так, как намечал Дядя. И поэтому люди, верившие в него, спокойно сидели дома. Жители Инмире, видя это, втихомолку посмеивались над ними. По правде говоря, каждая из сторон ещё с давних времён неприязненно относилась друг к другу, и положение старшины здесь было затруднительным; он не мог продержаться более одного-двух лет. Если старшина был родом из Инмире, то защищал интересы своей стороны, если же он был выходцем из Намелсем, то защищал своих. То ли по несчастью сельчан или какой-то другой причине, в этом селе ещё не появился беспристрастный старшина. И, однако, тот из них, кто поддерживал интересы Инмире, всё же немного дольше держался у власти, так как знал, что, в общем, всё население Намелсем представляет Дядя, и имел дело лишь с ним.

Конечно, Дядя не нуждался в деньгах. Лучшее, что мог он пожелать, – это получить в награду медаль или крест. Дяде очень хотелось иметь всё, что есть приятного в мире. А почему бы ему и не хотеть? При этом он рассуждал так: деньги есть, а с их помощью можно купить всё, что душе угодно, может представиться даже возможность занять более выгодное место в обществе.

Не удивляйтесь! Воистину при помощи денег можно стать вровень с сильными мира сего. Для этого и не нужно многого: одному подарить барашка, другому – корову. Третьему отправить мотал-пендир (овечий сыр в овечий шкуре), или что-нибудь ещё.

Однажды в селе возникли беспорядки. Участились грабежи, воровство. По просьбе всех сельчан властями был утверждён новый, посторонний старшина. Похоже, что новый старшина был хорошим человеком. Звали его Дашдемир (камень и железо). Поистине он был крепок в делах, как железо, к тому же хорошо образован и преисполнен самых лучших намерений. Сразу же после приезда он навёл порядок в селе.

Спустя некоторое время старшина заметил, что люди Намелсем совсем не участвуют в общественных делах и даже не показываются, когда он созывает их для чего-либо. Только время от времени появлялся Дядя и выступал от их имени.

Скажем, в вопросе о школе. Люди Инмире приходят все, как один, выступают, обсуждают, спорят. А из Намелсем нет никого, а если кто и присутствует, то это Дядя, который приходит, когда ему вздумается. Так проходил день за днём...

Однажды старшина посетовал своей жене: «Меня удивляют жители Намелсем. Они похожи не на людей, а на баранов. Что же касается жителей другой половины, то те напористы. С ними держи ухо востро. Правда, среди них нет потомков беков, они все простые люди, но сведущи во всём, и, если ущемить их в правах, могут наброситься и покусать, как осы». Жена поддакнула старшине: «Ты ещё недостаточно знаешь жителей Инмире. Если хочешь заслужить доброе имя и продвинуться в чине, держись той стороны, там люди напористые, из ничего, смотришь, и сделают что-то. Мой отец был из здешних мест, и я с детских лет много слышала о них».

Слова жены запали в память старшине...

С того дня он по-другому стал смотреть на жителей Намелсем. Если кто-нибудь приходил с их сто-

роны жаловаться, то он предварительно справлялся о нём у Дяди. Выходило так, что Дядя и разбирал дело. Если проситель был по душе Дяде, он говорил, что надо помочь, если же человек почему-то не нравился ему, то и не заступался за него. Напротив, если в Инмире случалось что-то, старшина сам отправлялся туда, внимательно разбирал дело, принимал решения...

Итак, Дашдемир исполнял обязанности старшины в одном, раз и навсегда заведённом порядке. Из всех старшин он больше всех прожил в этом селе. А его авторитет перед начальством укреплялся день ото дня. И в конце концов дошло до того, что губернатор, как-то приехавший в село, в кругу аксакалов сказал ему: «За хорошую службу я предоставлю тебе лучшую должность». Здесь же находился и Дядя. А потом и население также довело до сведения губернатора, что их старшина – отличный человек.

С этого дня Дядя ещё больше сблизился с Дашдемиром. И почему бы ему не сблизиться с ним?! Он увидел, что старшина снискал расположение губернатора. А Дяде только это и нужно было...

Неподалёку от села находился источник. По давней традиции каждые три дня недели поочерёдно одна из сельских сторон использовала воду для своих нужд. Так случилось, что однажды жители Инмире пользовались этой водой четыре дня. Жители Намелсем рассказали об этом Дяде. Дядя промолвил: «Ладно, я поговорю». И правда, встретившись со старшиной, Дядя сказал ему об этом. На это старшина заметил Дяде: «Поскольку на этой неделе жителям Инмире нужно было больше воды, они просили у меня разрешения лишний день пользоваться ею. А вас прошу не вмешиваться в дела старшины!»

Дядя, очень задетый этими словами, вернулся домой. Однако нужно сказать, что они напугали его. Ведь до сих пор он не слышал таких резких слов.

Он размышлял: видно, старшина очень прочно стоит на ногах, если даже со мной разговаривает таким тоном. А сельчанам Дядя сообщил следующее:

– Да, я говорил со старшиной, он выразил сожаление и заверил, что это больше не повторится.

Сельчане утихли.

Но с того момента эти два человека вступили в своеобразное состязание. Дядя, полагаясь на свои деньги и имя, думал так: «Конечно, старшина должен

Одна из комнат в доме-музее Н.Нариманова в Баку

будет посчитаться с моими словами». Старшина же, резко ответивший Дяде, испытывал его убеждения. Он думал: «Если Дядя действительно всем сердцем стоит за своих людей, тогда, конечно, он сделает так: скажет правду им, и те, чтобы защитить свои права, придут ко мне, поделятся со мной своими заботами». Воистину старшина был рассудительным человеком. Через две недели жители Инмире снова на один день больше получили воду... Однако на этот раз он со страху не сказал ни одного слова. И, несмотря на это, он объявил сельчанам:

– Я высказал старшине всё, что было у меня на душе, и старшина ответил: «Простите меня, это больше не повторится».

Люди поверили Дяде и замолчали.

Когда же это повторилось ещё раз, несколько парней из Намелсем, взяв заступы, отправились к источнику. Случилось так, что несколько молодых людей из Инмире сидели в это время у источника. Пришедшие из Намелсема хотели повернуть воду

на свой участок, но другая сторона начала противиться этому. Переругиваясь, они сцепились в драке, и на их крики сбежались люди с обеих сторон села. Пришёл и старшина. Он арестовал несколько жителей Намелсем и ни слова не сказал людям Инмире. Жители Намелсем пришли к Дяде и рассказали о случившемся.

Возмущению и негодованию Дяди не было предела. Наконец, он сказал:

– Жаль, что я сейчас болен, но ничего, вы идите и успокойтесь, посмотрите, как я расправлюсь со старшиной.

Люди, поверив, ушли, а Дядя на следующий день отправил старшине одного барана и один мотал, и затем сам навестил его... Старшина, встретив Дядю, сказал:

– Вчерашнее происшествие обеспокоило меня. Я написал сегодня рапорты и начальнику, и губернатору. Надо сослать одного или двух людей из селения, и притом с вашей стороны.

Дядя, улыбнувшись, промолвил:

– Конечно, конечно, не перевелись ещё люди, позорящие нашу сторону.

Нужно бы сослать одного или двух парней, у которых в голове не всё в порядке... А жители Намелсем ждали-ждали, так ничего и не добились. Всё это наводило старшину на размышления: «Воистину, – думал он, – люди этой стороны бессловесны, как животные. Что бы ни делал с ними плохого, сносят всё».

Люди из Инмире, столпившись у дома старшины с раннего утра, возбуждённо галдели, требуя сослать зачинщиков и буянов. И трёх жителей Намелсем навсегда сослали из села.

После этой драки отношения между обеими сторонами ещё более ухудшились: везде, где это было возможно, каждая из сторон пыталась навредить другой. Однажды, когда женщины с детьми из Намелсем находились у источника, молодые парни Инмире стали задевать их. Некоторых девушек даже пытались поцеловать. Женщины и дети с криком бросились в село и рассказали о случившемся дома. Сельчане снова попали в затруднительное положение. Делать нечего, нужно снова сообщить об этом Дяде, посоветоваться с ним! Навестив его, они сообщили о происшествии.

Дядя, желая показать, что задета и его честь, гневно ударил по столу и воскликнул:

– Вы только потерпите и увидите, что сделаю я со старшиной. Этот человек не достоин того, чтобы я с ним говорил; на днях я отправлюсь в город, пойду прямо к губернатору и расскажу ему обо всём.

Спустя два дня после этого разговора, старшина навестил Дядю, и тотчас же последовало приглашение на обед. Однако старшина ответил:

– Я явился к вам не за тем, чтобы обедать. Я пришёл, чтобы сказать вам всего несколько слов. Мне передали, что на вашей стороне села ведутся какие-то приготовления, будто бы ваши жители собираются напасть на жителей Инмире и вновь затеять драку. Я отлично знаю, что люди вашей стороны слушают вас... Это известно и начальству... Теперь, сами понимаете, если что-нибудь случится, за это будете в ответе вы...

Дядя, не на шутку испугавшись, ответил:

– Господин старшина, от имени всех даю слово, что этого не случится, наши люди никогда не посмеют сделать ничего недостойного.

Когда же старшина собрался уходить, Дядя

передал ему сто рублей для раздачи их деревенским сиротам и вдовам... Как только старшина ушёл, Дядя, быстро созвав сельчан, сказал им:

– Сейчас старшина был у меня. Ему известно, что наши люди собираются затеять драку. Я ответил, что доложу обо всём губернатору. Старшина попросил меня воздействовать на людей, так как виновные будут наказаны, и сказал, что нужно набраться немного терпения, ибо вопрос этот будет решён и наступит примирение... На это я ответил: «Нет, довольно с нас, этого нельзя больше так оставлять».

С гневом произнеся последние слова, Дядя немного призадумался и затем сказал:

– Если что-то и затеяли, то пока воздержитесь. Я поеду к губернатору, улажу все дела и постараюсь, чтобы этого старшину убрали от нас.

Один из присутствующих промолвил:

– Дядя, ты как отец нам, что бы ты ни сказал, будет по-твоему; сделай так, чтобы не задевали наших детей и жён. Мы, правду сказать, не можем это снести.

Дядя успокоил их:

– Нечего горячиться, я знаю, что делать. Только сдерживайте ваших ребят.

И вправду, с самого утра Дядя отправился в город. Поторговал и вернулся обратно. И не только не увидел губернатора, но с испугу даже близко не подошёл к той улице, где стоял его дом...

Люди, услышав о возвращении Дяди, тотчас же пришли к нему.

Дядя сказал:

– Эй, мужики, вы знаете, что я за вас готов положить всё своё добро. То, что могут сделать деньги, никто другой не сделает. Что поделаешь, для того, чтобы уладить все дела, пришлось заплатить сколько нужно. А теперь я вышибу дух у старшины. Вы ступайте, спокойно сидите и ждите завершения этого дела.

И народ понапрасну ждал. В довершение всего несколько людей из Намелсем попали в тюрьму...

Жители Инмире так напугали своих противников, что с наступлением вечера люди противоположной стороны боялись показаться на улице. Со временем положение этой стороны ещё более ухудшилось. А старшина, видя положение жителей Намелсем, не боялся ничего и, по возможности, старался помочь противоположной стороне, прислушивался к их людям, более чутко разбирал их жалобы, принимая соответствующие решения.

А почему бы и не делать этого?

Старшина был умным человеком... Он знал, что в городе живут выходцы из Инмире – образованные и деловые люди. И понимал, что вести из села доходят до города. Когда же нужно, туда отправляется подходящий человек, который там всё улаживает. Он знал: найди он общий язык с теми людьми, его служебные дела пойдут ещё лучше. И действительно, как только не помыкал старшина жителями Намелсем, а всё равно его авторитет перед начальником и губернатором неизменно возрастал.

Наконец, настало время, и в городе открылась вакансия на должность пристава. Утвердили в этой должности Дашдемира. Когда весть об этом дошла до села, огорчению жителей Инмире не было предела. А жители Намелсем, услышав об этом, обрадовались и повеселели. За день до отъезда старшины Дядя, собрав всех в Намелсем, посмеиваясь в бороду, поздравил их и сказал:

– Эй, люди, вам известно, что с нами творил этот злодей. Теперь покажем ему, как недовольны мы им. Я дам вам такой совет: когда он отправится в путь, не выходите его провожать, не прощайтесь с ним. Я думаю, что только моё присутствие может быть необходимо. Я должен сказать ему несколько слов на прощанье, пусть поймёт, как должно, и не забывает, что мы – ещё сила...

Люди согласились с этим.

Наутро все жители Инмире, собравшись на окраине села, ждали проводов старшины. Со стороны Намелсем не было никого, кроме Дяди. Один за другим выступали вперёд мужчины Инмире, произносили речи, говорили слова благодарности старшине, поздравляли его, а некоторые даже расплакались.

Дядя тоже, подавшись вперёд, сказал:

– Любимый, уважаемый старшина! От имени населения Намелсем, от всего сердца поздравляю вас с новым назначением. Мы очень огорчены тем, что вас разлучают с нами. Пусть Аллах вас не отдаляет намного от нас. Мы считаем вас своим отцом...

Он даже нарочно скривил губы, будто хотел заплакать... А старшина не заметил и не почувствовал отсутствия жителей Намелсем. Ведь вместо народа всегда говорил Дядя, а сейчас он был тут.

Да, старшина уехал. Расстался с селом. Расстался, но оно осталось в его памяти как неразрешимая загадка. В пути он думал: «Странные эти

люди из Намелсем. Они или очень хорошие, или же очень глупые. Я так много доброго сделал их врагам, оказывая им предпочтение во всём, и всё же они послали самого влиятельного человека – Дядю, чтобы поздравить меня».

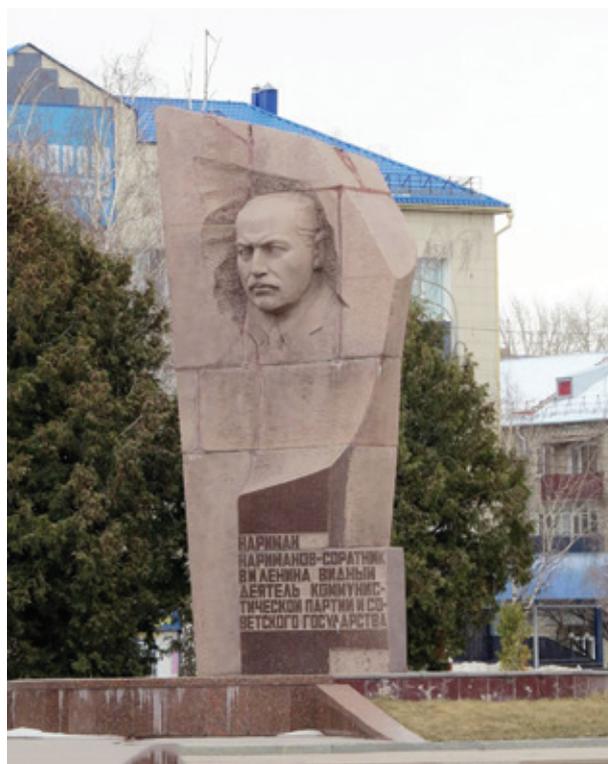
Старшина уехал, так и не поняв, о чём думают, что чувствуют эти люди, кому верят и какому богу поклоняются.

Перевод Гасана Гулиева

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТЕАТРЕ

Комедия – слово греческое. В древние времена греки комедию исполняли для смеха. (Люди каждое воскресенье собирались за городом и для приятного времяпровождения выдумывали различные весёлые вещи.) Однако последнее время комедию люди играют в целях воспитания. Человек в большинстве случаев в своей или чужой повседневной жизни не замечает недостатков или же не чувствует их. Но при исполнении комедии всё это он хорошо видит своими глазами; отмечает хорошее у другого и по мере возможности старается исключить свои недостатки. Наши мусульманские братья не оказывают какого-либо рвения к театру и думают, что то, что показывается в комедии, делается для смеха. Однако последующие подобные

Памятник Н.Нариманову в Ульяновске

мысли допускают большую ошибку, ибо комедия – это зеркало жизни. Когда мы в театре видим свои недостатки, мы, конечно, стараемся быть хорошими людьми и держаться подальше от дурных людей. Театр является также школой для взрослых. Как дети в школе обретают много вещей, так и мы получаем от театра много хороших качеств.

От сегодняшнего театра мы имеем две пользы: во-первых, как мы выше уже упомянули, показываем имеющиеся недостатки в нашей жизни. Например, Гаджи Кара, который сегодня будет показан на сцене, является скрягой и жмотом, ради наживы позорит своё имя. Он вёл спокойную и беспечную жизнь, сидя и торгуя в своей лавке. Но впоследствии жадность заставляет его отправиться за контрабандой. Имеется пословица: «Излишняя жадность может расколоть камень, осколки которого могут раздробить голову». Так и случилось с Гаджи Кара, который не только не достиг своей цели, но и попал в тюрьму... Следовательно, это должно стать нам хорошим уроком назидания. Человеку необходимо по мере возможности прожить свою жизнь, опираясь на правду, ибо ложь и обман в конечном итоге выявляются и позорят человека. Второй пользой театра является то, что сборы от него в нынешнем году пойдут на строительство школы для мусульманских детей. Известно, что в былые времена естественные науки были широко распространены. Но с течением времени по нескольким причинам мы постепенно отошли от тех знаний, которые помогали здоровью и жизни людей. Сейчас мы находимся в невежестве. Если обратиться к истории, то можно прийти к заключению, что никакой народ не добился успеха в знаниях с помощью оружия. Тот народ, который достиг прогресса, добился этого счастья с помощью науки и знаний. Но тот народ, который свою надежду возлагал лишь на оружие, тот всегда оставался в пучине невежества. В настоящее время одним из тех народов является наш мусульманский. Хорошенько обзрите нашу жизнь! Воровство, разбой, убийство и разные преступные действия происходят среди нас.

Правда, что подобные несчастья имеют место и среди других народов. Но они быстро очнулись и пошли за наукой, избавились от темноты и достигли света. А мы пока находимся в беспробудном сне невежества.

Разве какой-нибудь отец или какая-нибудь мать захочет, чтобы их дети стали несчастными? Никто

не захочет, чтобы его сын годами гнил в темницах. Но увы! Мы всё это хорошо видим и проливаем горькие слёзы. А разве не нужно найти противоядие от подобного горя? До каких пор наши пожилые отцы и матери будут обивать пороги судов? Кто виноват? Разве виноваты сидящие в заключении наши дети? Нет, виноваты мы сами. В своё время мы не дали им нужного воспитания и бросили их на произвол судьбы. Почему же мы, зная всё это, не воспитываем наших детей так, чтобы они избавились от невежества? Но как их надо воспитать? Когда мы сами не обладаем необходимым воспитанием? Да, мы сами должны воспитать своих детей так, чтобы они впоследствии сумели удерживать своих детей от подобных недугов. А воспитание возможно с помощью знания. Поэтому мы должны иметь школы. В этих целях их высококордие елисаветпольский губернатор, хорошо осознав источники и причины бедствий в отсутствии учебных заведений, написал прошение об открытии школы, в которой наши мусульманские дети изучали бы русский и азербайджанский языки и получили бы необходимое воспитание с тем, чтобы впоследствии быть счастливым и сделать счастливыми своих родителей.

Подобные людские дела не могут быть осуществлёнными силой одного человека. Поэтому этот театр учредила культурная и сознательная мусульманская молодёжь. И мы надеемся, это будет не последняя школа, и мы увидим ещё много благотворительных явлений с вашей помощью, господа! Ещё раз, господа, повторяю: школы! школы! Только школа нас избавит от невежества!

ИЗ СЕРИИ СТАТЕЙ «ПЯТНИЧНЫЕ БЕСЕДЫ»

... Каждое наше дело должно сопровождаться «выдумкой». Назвались вы, к примеру, литератором, но, прежде чем возьмёте в руки перо, представьте себе своих будущих читателей. Кто они?.. Пишите, но не отказывайтесь напрочь от азербайджанского языка... чем ближе вы будете к азербайджанскому, тем меньше будет их любовь к персидским и арабским словам. Куда занести такие фразы, как «гаспадин присидатилин мнениясы комиссия назначит элемеқдир» или «с большим удовольствием согласия заявит элейирик»?

Вы выражаетесь на такой манер, потому что забыли азербайджанские слова? Или переучились русскому? Или же хотите блеснуть знанием

русского языка? Не понимаем и не можем понять... Мы не имеем никакого права таким образом употреблять русские слова. Да и никакой русский не согласится, чтобы его речь коверкалась наподобие «шалтай-болтая». Так ведь? Да и азербайджанец не согласится, чтобы предавали его родной язык.

Предательство?! Да, предательство! Ни один, ни сто, ни тысячу раз мы не устанем писать, кричать о вашей «шалтай-болтайской» речи...

Мы не запрещаем вам говорить по-русски, нет, господа! Если вы не можете выразить свои мысли на чистом родном языке, или же ваш собеседник понимает по-русски, что в этом дурного? Говорите на чистом русском языке, а не на «шалтай-болтайском», когда вместо элементарных азербайджанских слов вы вставляете русские.

Нет, господа!

Ударяя себя в грудь и говоря на собраниях «пажалска», вы не поведёте же народ вперёд: не зная языка народа, трудно помочь его горю. Но мы не утверждаем, господа, что слово «самовар» надо переводить буквально, как «варит сам». Вы поняли теперь, что мы хотим сказать? Невозможно дать буквальный перевод всех слов, ибо они могут потерять свой смысл. Поэтому переводить надо очень осторожно. Так, например, не следует переводить те понятия, которые принесла нам свобода, такие, как «социал-демократ», «социал-революционер». Перевод их звучит красиво «ичтимайюн-амийюн», «ичтимайюн-ингилабийюн». Хотя слово «ичтимайюн» не передаёт точного смысла «социал», к этому слову у нас претензий нет. А вот такие слова, как «provokator» и «хулиган», предпочтительнее не переводить...

Если вы переведёте «provokator» как подстрекатель, а «хулиган» как человек, оскорбляющий достоинство другого, то эти лица будут, наверное, недовольны. Лишать их таких великолепных качеств мы считаем крайне бессердечным. Ведь хулиганы, хулящие свободу, provokatory, сталкивающие два народа, обрели свои прекрасные качества путём огромных трудов и усилий. А теперь вы хотите перевести эти слова с помощью словаря и придать им другую окраску? Или хотите доказать свою образованность? Да? В таком случае, пожалуйста, господа, переведите слово «бойкот»... Нет, господа, не создавайте себе головной боли, прежде чем переводить «бойкот», попытайтесь это сделать со словами «Гасым», «Тифлис», «Москва», «Маша», «Саша».

Это – также имя собственное, господа. Вы поняли? Но вы, я думаю, не знаете, кто эта счастливая личность. Я расскажу вам: Чарльз Бойкот был смотрителем огромных домов лорда (Ирнана) в Ирландии и имел неограниченные права. Господин Бойкот сдавал внаём дома лорда и очень плохо обращался с квартиросъёмщиками. Они же долго терпели притеснения, насилие господина Бойкота и только причитали. Но его самоуправство в отношении этих людей достигло такой степени, что господина Бойкота стали проклинать и в других городах. Дело дошло до того, что народ Ирландии, возмущённый таким поведением, проклял его и решил не иметь с Бойкотом никакого дела. Так и произошло на самом деле. С Бойкотом прервали отношения все – и стар, и млад. Вплоть до того, что Бойкот предлагал умирающим от голода рабочим зарплату в десятикратном размере, они же готовы были умереть с голоду, но не работать на него. Оставшись в одиночестве, Бойкот покинул Ирландию и уехал в другую страну.

А теперь обратите внимание на мужество народа, его солидарность, сплочённость!

Да, господину Бойкоту объявили бойкот. То есть народ вытолкнул его из своей среды без пушек и ружей. Русские образовали от слова «бойкот» глагол. Невелик грех, если и мы переймём слово «бойкотировать». Наш язык обогатился новым глаголом, но, чтобы новое слово осталось в памяти, его следует многократно повторять, что мы и делаем:

- 1) Бойкота достойны все враги свободы.
- 2) Бойкотировать надо ахундов...
- 3) Бойкотируйте того, кто предаёт народ ради собственной выгоды...
- 4) Бойкотируйте мусульман, относящихся враждебно к культуре.
- 5) Если вы не будете бойкотировать людей, которые приравнивают рабочих к скоту, не заботятся о них, вас ничто не спасёт.
- 6) Бойкотируйте тех, кто, располагая возможностями, не заботится о всестороннем прогрессе народа и мешает тем, кто стремится это сделать.
- 7) Если вы не будете бойкотировать тех, кто «украшает» родной язык «шалтай-болтайством», хотя бы помешайте им делать это.

Мы считаем, что бойкота пока достойны те, о ком упомянули. Если вам известны другие, сообщите, пожалуйста, в редакцию. Будем вам крайне признательны.

Перевод автора